

Поскольку это выглядело так, будто они были озабочены внешними делами, и только младший ученик беспокоился о состоянии настоятеля, создавая впечатление, что старый монах цепляется за должность настоятеля и богатства, поэтому он так долго не мог принять решение.

Сердце ребенка чисто и просто, в нем нет стольких извилистых мыслей.

Монахи Храма Шести Гармоний, чувствуя неловкость, уже собирались что-то сказать, как вдруг услышали шум у ворот храма.

Они замешкались, подумав, что пришли паломники, и вышли посмотреть.

Увиденное заставило их онеметь от ужаса.

Те самые цзиньивэй, которые ранее так горделиво расхаживали по храму, теперь почти все были ранены, некоторые даже поддерживали друг друга, чтобы добраться сюда. Они бежали, оглядываясь назад, словно за ними гнался тигр.

— Тунчжи, мы добрались!

Хотя Гун Цзюнь дождался, пока все цзиньивэй отступят, прежде чем найти лазейку для побега, его цингун был настолько высок, что он быстро догнал своих подчиненных. Затем они, полные настороженности, изо всех сил поспешили обратно в Храм Шести Гармоний.

Несколько цзиньивэй были принесены на носилках, с отрубленными руками и ногами, что выглядело поистине ужасающе.

Монахи, увидев это, затрепетали от страха и начали читать молитвы.

Те, кто изначально хотел остаться, начали колебаться. Как бы ни было хорошо укрытие от ветра и дождя, нельзя же постоянно находиться в гуще сражений!

— Где лекарь! — Гун Цзюнь, с покрасневшими глазами, схватил одного из монахов, встречающих гостей, и спросил.

Монах, дрожа, ответил:

— Вы... вы говорите о том молодом лекаре, который внезапно появился? Он уже ушел...

— Что? Ушел?!

Гун Цзюнь пошатнулся, чуть не упав.

Его внутренняя сила была истощена, он был ранен, и его нервы были натянуты до предела. Услышав, что лекарь, появившийся вместе с Мэн Ци, ушел, он почувствовал головокружение и понял, что больше не может держаться.

Зачем он привел людей обратно в Храм Шести Гармоний? Конечно, чтобы использовать Мэн Ци для борьбы со Старым предком Цинъю. Какие бы разногласия ни были у Мэн Ци с династией Ци, государственный наставник явно не испытывал симпатии к Старому предку Цинъю, который обнаружил сокровища Гробницы императора Ли и тайно замыслил заговор.

Даже если Мэн Ци впадал в ярость, он просто сворачивал шеи, а не кричал о сражениях.

Когда Мэн Ци убивал, это было потому, что он хотел убивать. А Старый предок Цинъю?

Из двух зол выбирая меньшее, Гун Цзюнь предпочел бы умереть быстро, чем быть схваченным Старым предком Цинъю.

Как заместитель командующего цзиньвэй, он не мог допустить никакого позора. Даже если его убьют простолюдины из мира рек и озер, это опозорит императора.

Если император в гневе конфискует его имущество или, считая его позором, не станет заниматься его похоронами, это будет катастрофой.

— В доме еще остались кошки!

Если хозяин умрет, что будет с кошками?

Те несколько кошек, которых он вырастил, были ухоженными и упитанными, ласковыми и любимыми, а также отличными мышеловами, известными по всему Тайцзину. Каждый раз, когда они рожали котят, кто-то уже спешил с рыбой, чтобы получить их. Такой ажиотаж был вызван тем, что они были из дома заместителя командующего Северного усмирительного управления Гун Цзюня. И они были известны далеко и широко, так что найти им хозяина не составило бы труда. Но что, если они не найдут хорошего хозяина?

Без хозяина, который кормил их рыбой, смогут ли они наесться, ловя мышей?

Двое из них уже старые и не могут бегать, чтобы ловить мышей. Кто возьмет их домой?

Мысли Гун Цзюня путались. Он думал то о кошках, то о своих похоронах, то о государственном наставнике Мэн, то о лекаре, который мог бы вылечить его подчиненных...

— Государственный наставник Мэн? Он тоже ушел? — с трудом спросил Гун Цзюнь.

Монахи, не понимая, о чем речь, осторожно спросили:

— Кто такой государственный наставник Мэн?

— Тот лекарь был один.

— Да, мы только что слышали, как цзиньивэй... вы упомянули государственного наставника Мэн, но в храме больше никого нет.

Услышав это, Гун Цзюнь чуть не истек кровью.

Как он мог уйти? Бросить храм и сокровища гробницы императора под ним без присмотра, что это за дела?

В тот момент, когда Гун Цзюнь погрузился в отчаяние, он вдруг услышал голос.

— Что вы стоите у ворот храма? Найдите чистые циновки, положите раненых и скорее несите горячую воду!

Мо Ли не стал продолжать спорить с Мэн Ци о преследовании голубя. Он быстро направился к воротам храма и, щелкая пальцами, быстро остановил кровотечение у двух самых тяжело раненых цзиньивэй.

Рана, отрубленная по локоть, кровоточила.

Цзиньивэй уже использовали методы остановки крови, иначе этот человек не добрался бы сюда.

— Быстрее, метод запечатывания каналов не продлится долго, нужно применить иглоукалывание.

Говоря это, Мо Ли снял верхнюю одежду. Его нижняя одежда отличалась от обычной, рукава заканчивались выше запястья, обнажая всю кисть. Такая одежда была типичной для лекарей, но не для тех, кто сидит в кабинетах и диагностирует пульс, а для тех, кто лечит ранения в армии.

Цзиньивэй, хотя и не знали Мо Ли, быстро поняли, что это и есть тот самый лекарь, о котором говорил Гун Цзюнь.

Монахи, видя свирепых цзиньивэй, которые, казалось, готовы были разобрать храм на дрова, поспешно сказали:

— В храме есть горячая вода, сейчас принесем из кухни.

Гун Цзюнь, собрав остатки сил, вошел в Храм Шести Гармоний.

Мо Ли сначала вымыл руки в принесенной горячей воде, затем приказал принести белую ткань и сварить ее.

— Выйдите все, не толпитесь в комнате! — Мо Ли начал выгонять людей.

Цзиньивэй, которые принесли раненых, не хотели уходить, но Гун Цзюнь прикрикнул на них, и они, опустив головы, вышли.

Гун Цзюнь, конечно, тоже не был спокоен, поэтому он решил наблюдать через окно за размытыми тенями внутри.

Его глазам померещилось, что в руках Мо Ли появился нож, длиной менее фута, с тусклым лезвием, казалось, даже не заточенным.

Мо Ли положил нож на огонь, затем поднял руку раненого, размотал пропитанный кровью бинт и начал вырезать остатки мяса и костных осколков.

Человек уже был на грани смерти, но когда боль стала невыносимой, он начал дергаться.

Мо Ли не боялся, что пациент будет дергаться, он мог использовать удары по точкам и иглокалывание.

В храме раздались крики, цзиньивэй чуть не ворвались внутрь, но Гун Цзюнь остановил их.

Мо Ли оставался спокойным, его не смущали ужасные раны. Он работал ножом точно и быстро, и вскоре закончил очистку места отруба, удалив не только осколки костей, но и песок, а также часть, казалось бы, здоровой плоти.

Кроме фехтовальщиков, у людей из мира рек и озер не было привычки постоянно чистить оружие.

Обычно они просто затачивали его, а иногда, чтобы спрятать, засовывали в кучу дров или под повозку.

Рука, отрубленная таким оружием, даже если не истекла кровью, могла загноиться, и через семь дней без лечения человек умрет от лихорадки. Если бы Мо Ли опоздал на время, необходимое для сжигания благовония, шансы на выживание этого человека уменьшились бы.

Мо Ли сосредоточился, действовал решительно. Лезвие ножа не было видно, только его следы.

Несчастный цзиньивэй кричал от боли, чуть не подумав, что попал в руки врага и подвергается пыткам.

Когда он закричал о помощи, Мо Ли закончил, посмотрел на него, взял белую ткань и лекарство для ран, чтобы сделать перевязку.

Гун Цзюнь смотрел застывшим, он увидел в этом лекаре, спасающем людей, мастера владения ножом.

Для Гун Цзюня, достигшего совершенства в искусстве владения мечом, эти, казалось бы, простые и быстрые движения скрывали в себе истинное мастерство, которое, хотя и было трудно уловить, действительно существовало.

— Кто ты такой? — не удержался Гун Цзюнь.

Мо Ли закончил лечение второго тяжело раненого и, выйдя, как раз услышал вопрос Гун Цзюня.

— Раненые не должны говорить. — Мо Ли указал цзиньивэй рядом отнести Гун Цзюня в другую комнату.

Гун Цзюнь, закрыв рот, начал сильно кашлять, затем выкашлял кровь.

— Тунчжи!

— ... У меня внутренние раны, очень серьезные. — Гун Цзюнь знал, что не умрет, но сейчас он не мог просто сдаться. Старый предок Цинь, возможно, уже на подходе, и эту проблему лучше оставить государственному наставнику Мэн. Поэтому, продолжая кашлять кровью, он отдал приказ своим подчиненным:

— Сотник Сяо, если я умру, возьми эти пятьдесят лянов серебра и найди хорошее место для моих кошек...

Мо Ли, смывая кровь с рук, прервал предсмертные распоряжения Гун Цзюня:

— Десять лянов серебра вылечат твои внутренние раны. Хочешь? Если не лечить, ты не умрешь, я не тороплюсь, подумай.

Гун Цзюнь: ...

[Система]: Ветка дерева слегка дрогнула, тонкие побеги прогнулись под тяжестью.

<http://bllate.org/book/15299/1351926>